

Фэн Мин, вздрогнув, проговорил:

— Зал заседаний?

Впереди показалась первая группа охранников, похоже, они направлялись в зал заседаний, спешно выскочив из леса и внезапно наталкиваясь на двух всадников. Находящийся впереди глава охраны, увидев вуаль, с изумлением спросил:

— Господин советник? Вы в такую рань вышли из дворца? — Князь фигурой и характером напоминал Лу Даня, у которого была привычка носить вуаль во дворце.

Жун Ху слегка кивнул и, подстёгивая коня, повёл восседающего на лошади Фэн Мина по центру дороги.

Когда они уже почти миновали отряд, глава охраны, почувствовав что-то неладное, выкрикнул:

— Погодите! — И, повернувшись, направился к князю.

Увидев, что к нему идёт глава стражи, Фэн Мин сжал поводья и холодно посмотрел на мужчину.

Глава охраны, находясь на расстоянии лишь трёх шагов, внезапно остановился и, качая головой, обронил:

— Вы не...

Но мужчина не успел закончить фразу, как Жун Ху, громко крикнув, обнажил меч и сразу полоснул им, брызги крови разлетелись в воздухе, а голова главы охраны, отделившись от тела, с бульканьем покатила по земле.

Держа в руках меч, Жун Ху резко натянул поводья и, обращаясь к князю, рыкнул:

— Скачите на юг! Там наши люди! — Изумлённая толпа охранников уже пришла в себя и с красными от крови глазами бросилась в атаку. Жун Ху вытянул руку, погружая клинок прямо в шею противника, после чего остановил коня, натянул поводья и, преграждая путь солдатам, посмотрел на Фэн Мина, яростно крича: — Вы всё ещё здесь? Хотите, чтобы мы все здесь погибли?

Фэн Мин вздрогнул в душе, уже приняв окончательное решение. Молча обнажив Ушуан, князь пронзил двух постепенно приблизившихся к нему охранников и, спокойно взглянув на телохранителя, вернул меч в ножны и помчался прочь. Сзади раздавался рёв вспыхнувшего боя, сильный поток холодного ветра попадал в глаза, колот их и причинял боль, однако,

несмотря на это, слёз не вызывал.

Жун Тянь, Ле-эр и Жун Ху... Они все здесь самоотверженно борются за жизнь.

Нельзя разочаровать их.

— Но! — Князь махнул плетью, безжалостно ударяя круп коня. Клубящийся позади чёрный дым, пропитывая собой воздух, постепенно накрыл императорский дворец и застлал едва озарённое лучами небо.

В потоке сильного ветра впереди появились южные ворота императорского дворца, и Фэн Мин, словно держа в голове безумный план, помчался стремглав; вокруг царила мёртвая тишина, было совершенно безлюдно, создавалось ощущение, что дворец является заповедником. Душу внезапно охватило дурное предчувствие, и юноша что есть мочи натянул поводья, сдерживая и заставляя ретивого громко изо всех сил заржать, после чего конь, повернувшись, остановился на том же месте.

Перед лицом оказался опустевший главный вход во дворец, должно быть, подкрепление Жун Тяня находится там же. Фэн Мин посмотрел на слегка подтаявший снег, из-под которого едва виднелась мраморная дорога; внезапно обнажив Ушуан, князь натянул поводья, заставляя коня повернуться, затем бросился по прежнему пути.

Позади, на городской стене со стороны леса, внезапно появились войска, которые таились в засаде, несколько сотен вооружённых палками человек стремительно покинули убежище и бросились вперёд. Среди толпы также находился Лу Дань, который хмуро выкрикнул:

— Скорей догнать! Необходимо поймать его живым и вернуть этому господину советнику!

Кровожадный рёв, доносящийся из дворца Дунфань, заполонил всё пространство от земли до неба.

Жун Ху в одиночку с трудом удерживал отряд императорской охраны и, отступая с боем, разрубил двенадцать человек. Восседая на боевом коне, Жун Ху занял командную позицию, а его ретивый конь помимо того, что чутко воспринимал действия своего хозяина, так ещё маневрировал крайне сметливо. Постепенно схватка переместилась в лес, где редкие деревья, что тщательно выращивались до этого, оказались жестоко разрублены в щепки.

Внезапно кто-то подкрался сзади Жун Ху, но последний, развернувшись и размахивая мечом, вновь нанёс удар, находящийся слева враг истошно закричал, и окровавленная рука взлетела в воздух. Вблизи раздался топот копыт, отчего юноша нахмурил густые брови, понимая, что прибыло подкрепление противника и во дворце Дунфань численность вражеского войска будет только расти. Будучи ребёнком, Жун Ху был выбран старым князем Жуном и, подвергшись разным мучительным тренировкам, втайне должен был защищать Жун Тяня, и, естественно, решимостью юный телохранитель превосходил других. Увидев множество противников, Жун Ху

не только не испугался, наоборот, почувствовал прилив сил и, опустив руку, вновь пронзил противника.

Сзади донёлся шум ветра, Жун Ху поспешно повернулся, копьё пролетело мимо его лица, вслед за этим под ним быстроногий конь внезапно мучительно заржал. Врагов было слишком много, сверкнула сталь — и охранник неожиданно нанёс рубящий удар по коленному суставу коня. Жун Ху, потеряв равновесие, подпрыгнул и, повернувшись в воздухе, приземлился, и, ещё не успев подняться на ноги, сжимая меч в руке, нанёс удар круговым взмахом.

Вокруг беспрерывно раздавались истошные вопли, и два-три противника рухнули на землю.

Задыхаясь, Жун Ху подпрыгнул и, размахивая мечом, стал выжидать, специально изучая расположение противника, выискивая слабое место, которое позволило бы ему вырваться из осады. Краем глаза телохранитель заметил слева лёгкий блеск, исходящий от клинков, и, не оглядываясь, сразу же полоснул стоящих сзади врагов, заставляя тех истошно завопить. Небольшое промедление, и вот враг уже плотно обступил его; Жун Ху вновь бесстрашно ринулся вперёд, но внезапно с правой стороны груди почувствовал холод: опустив голову, юноша увидел, как клинок слился в единое целое с ярко-алой кровью, которая была крайне ослепляющей.

Донеслась острая боль.

Жун Ху громко вскрикнул, внезапно завладев вражеским клинком. Сила была такой огромной, что клинок пробил доспехи, и в спешке вытащить его не представлялось возможным. Лёгкое промедление — и телохранитель получил ещё один удар, только на этот раз в спину. По лицу прошла судорога, а сам юноша, мгновенно отреагировав, разжал клинок и быстро отступил назад. Могучей спиной растолкав двух не успевших воспользоваться оружием противников, Жун Ху схватил длинное копьё и молниеносно нанёс два удара, стремительно пронзая и откидывая двух ринувшихся вперёд охранников.

В правом плече внезапно раздалась резкая боль: и снова удар копьём.

Жун Ху глухо застонал и дрожащей ступнёй ударил противника. Воспользовавшись удобным случаем, телохранитель взобрался на находящуюся рядом лесную каменную статую, занимая командную высоту, после чего с трудом поднял длинное копьё и, держа горизонтально, стал наносить удары, вонзая куда угодно и заставляя врага истошно кричать.

От начала схватки прошло немного времени, а силы уже были на исходе, из-за раненого плеча рука постепенно начала слабеть, однако Жун Ху пронзил врага копьём. Враг истошно крикнул и, крепко ухватив копьё, что отняло жизнь, рухнул на землю, пальцы Жун Ху немного ослабли, выпуская оружие из своей хватки. В руках не было даже клинка, и юноша в душе занервничал, боевой же дух неприятеля возрос, и, в ярости закричав, враг с новой силой бросился в атаку.

— Уничтожить!

— Живым взять его! За убийства многих наших братьев накажем его живьём!

— Живьём содрать с него кожу и обшить ею барабаны!

— Вперёд! В атаку!

Жун Ху отступил на пару шагов назад, взбираясь ещё выше, и ослепительные клинки упёрлись в его тело. Телохранитель, громко крикнув, подпрыгнул в воздухе и, упав на землю и сделав пару перекатов, попутно осмотрел тела двух вражеских охранников; достав из сапога отточенные и несравненно острые кинжалы, тотчас же вонзил их в того, кто попадался на глаза. Однако силы были на исходе и ситуация — непоправима, юноша хоть и обладал отвагой, но спустя короткое время из-за множества полученных ранений был с ног до головы измазан кровью.

Гневно уставившись, Жун Ху резко подпрыгнул и вонзил клинок в шею близко стоящего противника, брызги алой крови окропили лицо, придав изящным чертам свирепый и устрашающий вид; копьё несколько раз чуть не пронзили его, но Жун Ху, увернувшись, отступил к опушке леса и, держа кинжал, гордо закричал:

— Я — Жун Ху из Силэй, желающие лечь вместе с умершими, идите сюда! — Холодные чёрные глаза искрились в лесной темноте, охранники с красными от крови глазами, подвергшись его взгляду, неожиданно почувствовали пронзающий холод, будто упали в прорубь, однако с мечами так и не рискнули приблизиться.

Находясь на волоске от смерти [1], юноша внезапно услышал лошадиное ржание, а глаза ослепил блеск меча.

— А!

— Осторожно! А-а! — Застигнутые врасплох несколько охранников рухнули на землю.

Жун Ху схватили за воротник и, подняв вверх, усадили на коня. Заржав, животное со всех ног устремилось к окутанному дымом императорскому дворцу.

Охранники с криком тотчас же последовали за ними.

Жун Ху, получив возможность передохнуть, обернулся и посмотрел; внезапно молодой телохранитель, у которого чуть глазницы не треснули, с огорчением в голосе произнёс:

— Почему именно Вы?

Во время схватки Фэн Мин также был несерьёзно ранен в двух местах; держа в одной руке

поводья, которыми подгонял коня, а второй сжимая Ушуан, молодой князь с горькой улыбкой обратился к Жун Ху:

— Если хочешь дать мне нагоняй, прошу, не бей по лицу [2], я знаю ваши с Жун Тянем намерения, вот только у южных ворот городской площади скрывалось огромное войско, которое гонится за мной.

Жун Ху оглянулся назад, замечая, что, действительно, преследующие войска неотступно следовали за ними. Изменившись в лице, телохранитель спросил:

— Всё-таки устроили засаду?

Судя по одежде двух отрядов, что теперь сливались воедино, один из них, облачённый в серебристые доспехи, должно быть, принадлежал дворцовой страже, а другой — в белых доспехах — Лу Даню.

Фэн Мин, который раньше пребывал в смятении, сейчас в безвыходной ситуации, наоборот, сохранял спокойствие и, понизив тон, сказал:

— Если не сможем сбежать, тогда я обязательно умру рядом с Жун Тянем. — Посмотрев на Жун Ху, молодой князь обнажил шелковинку непревзойдённо прекрасной улыбки.

Жун Ху, бросив взгляд на преследующее бесчисленное войско, прекрасно понимал: спастись бегством не получится, и всё несчастное отборное войско Силэй сегодня поляжет здесь; сердце вновь охватили печаль и горечь, а сам молодой человек, посмотрев на Фэн Мина крайне глубоким взглядом, молча кивнул.

Боевой конь, учуяв в воздухе запах крови, словно взбесился и, рванув вперёд, вскоре домчал всадников к концу дороги. Стоящий впереди зал заседаний больше не был охвачен пламенем, а лишь клубами дыма, в пространстве были слышны рёв и лязг металла, неизвестно, к каким странностям прибегли Жун Тянь и остальные, чтобы после поджога создавался такой густой дым.

Повсюду царил атмосфера яростного сражения, казалось, что ещё одно подготовленное Жун Тянем войско также пробралось во дворец, вероятно, более тысячи людей и огромное количество охраны Дунфань слились в этом бою в одно целое.

Князь осмотрелся, однако клубы дыма закрывали обзор. Как можно в такой густой преграде отыскать Жун Тяня?! Несколько минут поиска натолкнули на мысль: лучше всего громко окрикнуть, что Фэн Мин и сделал:

— Жун Тянь, где ты? — Несколько охранников Дунфань, услышав крик, бросились с клинками на князя, однако юноша тотчас же закол их.

Преследующие войска к этому времени пробили себе дорогу и зажали князя с двух сторон; бросаясь то вперёд, то на тех, кто за спиной, Фэн Мин сильно взмок; конь, получив удар кинжалом, заржал, передние копыта внезапно обмякли, и Фэн Мин с Жун Ху тотчас же рухнули на землю. Попав на поле битвы, где все были крайне взбешены, Фэн Мин с Жун Ху держались рядом, заслоняя от противника спины друг друга. Немного передохнув, Жун Ху, несмотря на ранения, по-прежнему был храбр, вытянув раненую правую руку, юноша пронзил клинком грудь врага, после чего воспользовался случаем и, отняв меч, резко поперёк полоснул, уничтожая ещё одного противника.

Фэн Мин тоже не давал себя обойти, убив мечом Ушуан двух врагов. Владению холодным оружием его научил сам Жун Тянь, и хоть техника князя не шла ни в какое сравнение с мастерством Жун Ху, которого с детства «закаливали» строгими тренировками, однако обычной охране до него было очень далеко.

У двух мужчин от сражения мышцы утомились и силы иссякли [3], а увидев, что противника меньше не становится и быть убитым — лишь вопрос времени, князь и его телохранитель почувствовали желание убивать и, больше не заботясь о защите, действовали как заблагорассудится, получив вскоре множество ран.

Размахивая мечом, Фэн Мин изо всех сил крикнул:

— Жун Тянь! Жун Тянь, я вернулся! Фэн Мин вернулся!

Однако внезапно раздался до боли знакомый голос, который прорвался сквозь окружения:

— Прекратить! Я сказал: всем прекратить! Не навредите князю Мину! — Оказывается, Лу Дань уже явился сюда.

Все оторопели.

— Господин советник приказал не вредить князю Мину, а взять его живым!

— Прекратите! Господин советник приказал всем прекратить!

Отчаянно окружавшие князя охранники ненадолго обомлели, позволяя Жун Ху понять, кто есть кто. Однако другие охранники с налитыми кровью глазами заорали:

— Мы являемся людьми Цзюнь лин-сы, и кроме Цзюнь лин-сы никто не смеет приказывает нам! Братья, убьём этих двух негодяев!

— Смело! Вы обнаглели! — И господин советник яростно зарычал на толпу солдат: — Приказываю остановить их!

— Кто пойдёт против воли государя, того убить!

Из окружения донеслись истошные вопли и крики, а то напряжение, царившее там, внезапно спало; Фэн Мину подумалось, что Жун Тянь явился убивать солдат, и, улучив момент, мельком взглянул, отчего вытаращил глаза и раскрыл рот. Оказывается, облачённые в белые доспехи люди Лу Даня стали убивать императорскую стражу в серебристых доспехах!

Давно затаившаяся ненависть разразилась при лёгком прикосновении, порождая истошные крики и превращая междоусобицу в беспорядочный бой. В сущности, военная система должна была сильно преобладать, неизвестно, почему сейчас в зале заседаний разгорелись смута и мятеж — императорской стражи было немного, но, вопреки этому, люди Лу Даня, похоже, сегодня проявляли огромную мощь, в итоге знамёна, в лице людей Лу Даня, и барабаны, в лице людей Цзюнь лин-сы, стали равны [4].

Что касается людей Жун Тяня, то, несмотря на малое количество, они являлись отборным войском, к тому же каждый из них был отважен и не боялся смерти.

Прекрасный дворец Дунфань был разрушен, что смотреть не хотелось, с трёх его сторон вёлся ожесточённый [5] бой.

Фэн Мин и Жун Ху с силой прорвались сквозь плотную осаду и постепенно ворвались в охваченный пламенем зал заседаний. Достигнув половины пути, князь внезапно остановился, словно сила покинула тело: Фэн Мин понимал, что после тяжёлой болезни внезапно ввязался в бой и тем самым перенапряг с трудом держащееся тело; также с усилием вырезая стоящего перед собой врага, князь, даже отступив на три шага, пошатнулся.

Этих трёх шагов было достаточно, чтобы отойти на большое расстояние от Жун Ху. Сам же молодой телохранитель, внезапно потеряв тень своего господина, напугался до смерти [6] и строгим тоном позвал:

— Князь Мин!

Фэн Мин, услышав зов Жун Ху, слабо отозвался, поднял взгляд и, увидев перед собой лезвия мечей, заслоняющие собой небо и покрывающие землю [7], закрыл глаза и подумал: «Жун Тянь, я ухожу» — сейчас от вкуса вечной разлуки сердце будто пронзили ножом, и две сверкающие слезы, сорвавшись с ресниц, покатались по лицу.

И в этот самый момент могучий по силе меч, мерцая, достиг и упрямо втиснулся между князем и охраной Дунфань, меч, подобно живой змее, взвился в воздух и, словно танцую, сделал полукруг, пронзая нескольких противников, которые с истошным криком тотчас же рухнули на землю.

Ощувив боль от крепких объятий, князь с изумлением распахнул глаза и уставился на забрызганное кровью лицо Жун Тяня.

Мужчина, крепко сжимая одной рукой поясницу князя, посмотрел на него взглядом, полным злости и порицания, после чего покачал головой, со вздохом говоря:

— Какой прок сейчас ругать тебя? — Опустив голову и прижавшись к губам Фэн Мина, молодой мужчина запечатлел самый быстрый, крайне напористый и очень глубокий поцелуй, каким никогда не одаривал, в то же время Жун Тянь, сжимая меч, без пренебрежения взмахнул лезвием, проливая кровь ещё одного противника.

Увидев Жун Тяня, Фэн Мин в душе вздрогнул, и, почувствовав, как к нему возвращаются силы, князь поднял меч и пронзил находящегося сбоку неприятеля, после чего, не сдержавшись, покосился на Жун Тяня и сказал, сладко улыбаясь:

— В моих глазах ты никогда ещё не был таким потрясающе красивым, как сегодня. — В этот роковой момент, лишь сейчас осознавая, насколько драгоценны мгновения, проведённые друг с другом, молодой князь, не сдержавшись, излил все чувства души.

Преисполненный нежностью взгляд императора Силэй упал на Фэн Мина, но вместе с этим на красивом лице проскользнула судорога, оказывается, что сзади в рёбра молодому мужчине вонзили меч.

Увидев это, князь вскрикнул от страха, а сердце охватила мучительная боль, и Фэн Мин с ненавистью в душе всадил меч в противника, что ранил Жун Тяня.

Больше всего боясь потерять в этом беспорядочном бою тень любимого феникса, император Силэй притянул его ближе и глубоким тоном проговорил:

— Поднимаемся выше.

Понимая, что это роковой момент, двое мужчин вместе поднялись на высокий уступ и бросились в атаку. Бесстрашные солдаты Силэй знали, что государя взяли в осаду, и непрерывно пробирались к двум мужчинам сквозь окружение, вскоре уже больше десятка человек с трудом втиснулись внутрь, ослабляя натиск на князя Мина и государя.

Как раз битва облачённых в серебристые доспехи солдат с солдатами в белых доспехах была в разгаре, и обе стороны несли серьёзные потери. Восседающий на коне Лу Дань в окружении десяти приближённых солдат находился неподалёку от поля битвы и, обеспокоенно наблюдая за передвижением Фэн Мина, взволнованно приказал:

— Разберитесь с теми солдатами, нельзя допустить, чтобы они навредили князю Мину!

Солдаты повиновались, стремительно бросаясь в атаку на врага. Теперь императорская охрана, осаждавшая людей Силэй, подверглась нападению, и положение тотчас же изменилось.

Жун Тянь, ухватив удобный момент, громко крикнул:

— Следуйте за мной, атакуем с левого фланга!

Войско послушалось и ринулось в атаку, прокладывая кровавый путь сквозь ряды врагов и постепенно продвигаясь к высокому выступу слева. Ведь если занять эту командную высоту, которую защищать было легко, а атаковать сложно, обстановка значительно улучшится.

Как только император Силэй и его приближённые добрались до высоты, Ле-эр, возглавляя своих людей, бросился в атаку с другой стороны. Два войска столкнулись друг с другом, после чего с молчаливым согласием поднялись по ступеням, постепенно захватывая мёртвый угол [8]. Взяв в полукруг большой каменный столб и единодушно выставив клинки, войско сдерживало непрерывный натиск охраны. А множество раненых, скрываясь в своём окружении, наконец-то могли перевести дыхание и перевязать раны.

До этого разделённый с боевыми сотоварищами Жун Ху вновь воссоединился с ними, а так как Фэн Мин с Жун Тянем являлись основной силой, на которую приходилась большая часть атак, то после разделения с князем натиск на телохранителя значительно снизился.

Как только они оказались в «убежище», Жун Тянь осторожно отпустил князя, ласково добавив:

— Немного отдохни. — Стерев с лица алую кровь, император Силэй вновь вернулся к бою. Жун Тянь являлся выдающимся мастером в военном искусстве, а его мощь и величие угнетали противника, потому, стоило мужчине снова ввязаться в кровавый бой, как враг тотчас же задрожал от страха при виде непобедимого силуэта, после его появления в оборонном круге неприятель, крайне перепугавшись, стал атаковать гораздо слабее.

Как раз в этот момент Жун Ху и остальные солдаты Силэй наконец-то добрались до «убежища», однако до цели их отделяла группка дворцовой стражи, вот только она как будто их побаивалась и, не осмелившись атаковать, ненадолго застыла словно вкопанная. Ле-эр, переживая за старшего брата, воскликнул:

— Я иду на подмогу! — Взяв с собой десяток человек, юноша бросился в атаку, обеспечивая Жун Ху подкрепление.

Когда Жун Ху прорвался в осаду Силэй, то уже был с ног до головы покрыт кровью, а вся спина была усыпана ранами, очевидно, что молодой человек на довольно длительное время застрял на вражеской территории. Но, что самое удивительное, — на плечах телохранитель тащил ещё одного человека. Увидев Фэн Мина, Жун Ху положил бесчувственное и ослабевшее тело на пол и, задыхаясь, проговорил:

— Я видел, как этот человек приказывал охранникам атаковать до последнего, и должность его, должно быть, не низкая. — Ноги больше не выдержали, колени подогнулись, и Жун Ху рухнул на землю. Двое раненых солдат вышли вперёд и, оторвав от собственных одежд

лоскуты, помогли ему перебинтовать раны. К счастью, у таких воинов, как они, заживляющие мази всегда были под рукой.

Фэн Мин же, присмотревшись, с изумлением сказал:

— Это Цзюнь Тин, она является единственной дочерью Цзюнь лин-сы.

Ле-эр захохотал:

— Это хорошо. — Развернув бесчувственную Цзюнь Тин, он приставил к её горлу кинжал и, набрав воздуха в лёгкие, крикнул: — Я приказываю всем прекратить! Иначе я пережужу этой девчонке горло!

Все, словно обезумев, уничтожали друг друга и как могли услышать, что он там кричит?! В зале по-прежнему доносился лязг стали.

Ле-эр даже три-четыре раза крикнул, срывая голос. К юноше подоспел Жун Тянь и, схватив Цзюнь Тин, очень громко прокричал:

— Будущий Цзюнь лин-сы здесь! Цзюнь Цин, тебе не нужна твоя единственная дочь? — Очередной попытки оказалось достаточно, чтобы подавить шум, царящий в зале заседаний.

Только тогда военные Дунфань ясно увидели, к кому именно приставил клинок Жун Тянь, и кто-то испуганно проговорил:

— Это тринадцатый помощник полководца!

— Прекратить! Они схватили тринадцатого помощника полководца!

Охрана, услышав приказ своего командира, в испуге прекратила бой и отступила от полукруга.

Облачённые в белые доспехи люди Лу Даня, которые, получив приказ, ручались за безопасность Фэн Мина, увидев, что охрана прекратила атаку, также остановились.

Все взгляды сосредоточились на нижней части каменного столба, и только сейчас шум сражения, что сотрясал дворец Дунфань, стих, позволяя воцариться мёртвой тишине.

Сгорая, дерево издаёт печальные крики.

Пальцы по-прежнему сжимали рукоять меча, а нервы напряглись. В зале заседаний находились все: люди Жун Тяня, войска Цзюнь лин-сы и облачённые в белые доспехи люди Лу

Даня.

Ситуация зашла в тупик.

Фэн Мин пристально поглядел вдаль и резко выдохнул. Возникла такая серьёзная проблема, а в зале заседаний не было и тени как Цзюнь Цина, так и Цан Яня, неужели Жун Тянь во время атаки зала заседаний убил их?

Пятый помощник полководца в сражении лишился руки, а на лице с левой стороны виднелось ножевое ранение, при этом мужчина был весь в крови. Распихнув толпу, он вышел вперёд и через пустое пространство, оставленное двумя сторонами, всматриваясь в Жун Тяня, приглушённо начал:

— Вы уже в тупике, отпустите тринадцатого помощника полководца, и мы сохраним ваши тела неповреждёнными. — Казалось, он являлся самым высокопоставленным генералом из всех присутствующих.

На что Ле-эр холодно обронил:

— Забавно. Вы покорно даёте нам покинуть дворец, а мы тотчас же оставляем труп вашего тринадцатого помощника полководца неповреждённым, иначе — изнасилуем и убьём, пусть наши братья насладятся перед смертью. — У Ле-эра язык всегда был без костей, а только увидев, что Цзюнь Тин девушка, само собой, юноша не упустил возможность лишний раз поиздеваться над противником.

Все военные изменились в лице. Ведь семья Цзюнь из поколения в поколение держала контроль над армией Дунфань и уже в глазах всех солдат являлась неприкосновенной святыней, а позволить Жун Тяню и его людям на глазах у всей армии Дунфань издеваться над Цзюнь Тин, пусть даже они отомстят, изрубив людей Силэй, толку-то?

Совершенно выбившийся из сил [9] Фэн Мин поднялся с места и с сомнением, что одолевало его до сих пор, спросил:

— Где Цзюнь лин-сы и генерал Цан Янь?

Жун Тянь был крайне молчалив.

Ле-эр громко вместо всех ответил:

— Дунфань не последовал небесным наставлениям и враждебно отнёсся к князю Мину, в итоге вызвав величайшее бедствие. Три дня назад зараза расползлась по каждому военному лагерю, не только рядовые солдаты понесли огромные потери, заболев и умерев, но вдобавок даже благородные генералы, всегда считавшие, что находятся под покровительством Небес, также

не спаслись. По-моему, большинство высокопоставленных генералов Дунфань сейчас тяжело больны и лежат в кроватях, а вторая половина — за городом скрывается от заразы, здесь лишь остались несколько войск, чтобы поддержать общее положение страны.

Фэн Мин был поражён услышанному.

Солдаты опечалились, очевидно, Ле-эр не лгал.

Неудивительно, что во дворце Дунфань число охраны сократилось и атаковать зал заседаний оказалось так просто. По-видимому, от этой заразы дворец Дунфань стал царством мёртвых.

Вот только он, князь, семь дней пролежал без сознания, так какая ужасная зараза смогла за семь дней нанести серьёзный урон огромному войску? Не проливая крови, победить с помощью гороха.

Поразмыслив с мгновение, Фэн Мин резко вздрогнул и посмотрел на Жун Тяня.

Молодой мужчина, поняв его мысли, слегка кивнул, давая понять, что князь верно угадал. Повернувшись к солдатам, князь громко спросил:

— Где господин советник?

— Лу Дань здесь. — Господин советник уже спешил и, потеснив в сторону толпу, вышел вперёд, хоть мужчина совсем недавно пережил кровопролитное сражение, однако совершенно не был напуган и сохранял равнодушие и непринуждённость, как всегда. Изящно и с изысканными манерами, пред которыми все благоговели, Лу Дань подошёл к Жун Тяню и, держась на расстоянии в несколько чжанов [10], окинул того взглядом, который был полон отваги, и блёкло проговорил:

— Император Силэй действительно непревзойдённый герой, он не только использовал план лже-смерти, чтобы уничтожить просчитавшегося Лу Даня, так ещё вошёл во дворец Дунфань, вгоняя всю дунфаньскую армию в ужас.

На что Жун Тянь с холодной усмешкой сказал:

— Господин советник тоже довольно потрясающ: вырвал из моих объятий Фэн Мина, коварным способом заставив меня отправиться во дворец Силэй. Где я просчитался? И когда Вы узнали, что я жив?

Фэн Мин с испугом уставился на Лу Даня.

Легко повращав мудрыми глазами, господин советник с улыбкой ответил:

— Не было никаких просчётов. По правде сказать, Лу Дань не может не восхититься князем Мином и государем Силэй, Лу Дань посылал множество людей, чтобы постоянно следить за каждым движением князя Мина и совершенно не высмотрел даже крошечного следа, говорящего о связи между князем Мином и государем Силэй. Увы, если бы Лу Дань отыскал зацепку, то с какой стати, основываясь на этом, стал тянуть до сегодняшнего дня? Лу Дань лишь опирался на собственное восприятие, чувство тревоги и недоверие, только и всего. Жаль, догадайся я на день раньше об этом, тогда положение не оказалось бы таким, как сейчас.

— Не удивительно, что я странным образом семь дней пролежал без сознания. — И Фэн Мин внезапно осознал: — Господин советник нарочно воспользовался старым трюком: если Жун Тянь не умер, то наверняка не сдержится и явится ко мне. — И князь смутился.

Если бы не князь, разве такой прозорливый человек, как Жун Тянь, оказаться бы загнан в угол, попавшись на коварство Лу Даня?

На изящных губах появилась шелковинка обессиленно-горькой улыбки, сам же советник глубоким взглядом посмотрел в глаза Фэн Мину и с лёгким вздохом сказал:

— Князю Мину не стоит укорять меня. Ведь, по правде сказать, император Силэй давно понял, что это ловушка, не так ли? Однако в подобной ситуации люди Силэй, прекрасно понимая, что попадутся на крючок, пожелали явиться сюда.

Неожиданно вздрогнув и побледнев, князь медленно обернулся и красноречиво взглянул на Жун Тяня. Император Силэй, в свою очередь, пожал плечами, равнодушно отвечая:

— Если бы это не являлось ловушкой, а ты действительно серьёзно заболел, но я не пришёл бы спасти тебя, не сожалел бы я об этом всю жизнь? Да, кстати, — молодой мужчина перевёл взгляд на Лу Даня, — только что господин советник сказал, что догадайся он на день раньше, то положение не оказалось бы таким, прошу господина советника объясниться.

Лу Дань не успел открыть рта, как Фэн Мин уже догадался и вместо господина советника громко ответил:

— Поскольку сразу перед этим государь уже повесил на пояс второй меч Ушуан. С этого времени император Дунфань разделил со мной свою судьбу и если бы я погиб, он последовал бы за мной. Однако потом господин Лу Дань засомневался в смерти Жун Тяня и придумал план — «оглушив» меня, хотел заманить Жун Тяня во дворец, вот и устроил засаду у южных ворот. Просто потому, что южные ворота являются подходящим местом, где можно установить наземную сеть, ведь она самый гарантированный вариант, чтобы взять живьём Жун Тяня вместе со мной.

За последнее время необычайно солнечные дни способствовали тому, что слегка потеплело, и это заставило снег растаять и показать небольшой участок земли, где обнаружилась часть до этого присыпанной снегом сети. Фэн Мин заметил эту западню, наступив на неё во время одиночной пробежки вокруг дворца, когда выдался подходящий момент.

Если бы князь не натолкнулся на людей Лу Даня и господин советник не отдал строгий приказ погнаться за Фэн Мином, то, вероятно, людей Жун Тяня уже давно здесь перерезали.

Судьба, неужели ему правда покровительствовали Небеса?

Лу Дань кивнул:

— Верно. Я ошибся на шаг, впутав жизнь государя в опасное положение. Сейчас изо всех сил стараюсь сохранить жизнь князя Мина, вновь убью императора Силэй, чтобы князь Мин смог выкинуть Вас из головы и последовать за нашим государем.

Пятый помощник полководца в ярости проговорил:

— Господин советник, что это за чушь? С тех пор как этот человек прибыл к нам, на мой Дунфань обрушились бесчисленные беды. Мне всё равно, кого это затронет, так или иначе нельзя позволять человеку, проникшему во дворец Дунфань и уничтожившему военный зал заседаний, спокойно покинуть страну. Не убьём их, обречём Дунфань на позор и больше не сможем воспрянуть.

Лу Дань строго спросил:

— Ты сказал, что незачем заботиться о жизни государя?

— Господин советник думает слишком просто. — Жун Тянь не спеша добавил: — Военная система Дунфань независима, преданность царствующей семье Дунфань и интересы государства на первом месте. Даже пожертвуете жизнью государя, если государь будет противоречить интересам Дунфань. Государь, который связался с иноземными сановниками, хоть с трудом получит возможность искупить вину, однако в дальнейшем всё же неизбежно будет уничтожен. Чтобы претворить план в жизнь, генералы могут воспользоваться любыми методами: либо как обычно отравив, либо удушив верёвкой. Господин советник, должно быть, слышал немало подобных историй.

Даже прекрасно понимая, что сказанное Жун Тянем — всего лишь провокация, Лу Дань всё же сильно изменился в лице.

Господин советник воспользовался мечами Ушуан, изначально веря, что Жун Тянь уже мёртв, и обманом вынуждая Фэн Мина покориться государю Дунфань, однако мужчина никак не подозревал, что сегодня совет кокон вокруг себя [11].

Вот только в словах императора Силэй не было фальши, и развитие подобной ситуации перешло в бесконтрольное течение, к тому же существовала возможность, что военный совет, наверняка воспользовавшись удобным случаем, убьёт государя Дунфань, и в царствующем доме выберут другого престолонаследника.

Ненавистное тело господина советника больше не сможет защитить любимого государя. Неужели император Дунфань позволит всем этим военным оскорблять и творить произвол? При мысли об этом сердце заныло так, словно его перемололи.

Пятый помощник полководца, увидев, что Лу Дань скрывает в глазах печаль, которая нарастала постепенно, понимал: господин советник крайне порочный и жестокий человек, ставящий на первое место интересы императора, ради которого мог сделать всё что в голову взбредёт. Опасаясь этого, мужчина тотчас же разозлился и замахал руками:

— Эй, кто-нибудь, передайте мой приказ: во дворце планируется переворот, приказываю: всем не заболевшим солдатам немедленно явиться сюда.

Князь понимал, что отборные войска пробивались с боем, а все эти упрямые генералы ради защиты Дунфань, возможно, даже согласятся пожертвовать Цзюнь Тин, тогда они действительно умрут без места погребения [12], внезапно его посетила мысль, и князь спешно проговорил:

— Пятый помощник полководца, не спешите. Неужели помощнику полководца не хочется узнать, откуда, в конце концов, взялась свирепствующая в военном лагере зараза? И неужели помощник полководца не хочет поинтересоваться, каким способом можно от неё избавиться?

От этих слов все люди Дунфань внезапно вздрогнули. Даже Лу Дань недоверчиво посмотрел на Фэн Мина. Кто может поверить, что такая большая и ужасная зараза [13], оказывается, являлась на карой небесной, а делом человеческих рук?

Пятый помощник полководца в смятении проговорил:

— Оказывается, зараза — ваших рук дело?

Жун Ху увидел его потрясение: ведь если бы князь поддался импульсу и по чистой случайности покорно признался, то, возможно, разозлил бы собравшихся дунфаньцев, потому телохранитель спешно начал отрицать:

— Такая ужасная зараза разве может быть создана человеком, конечно же, это Небеса ниспослали вам наказание. Вот только князь Мин получил благословение духов и очень глубокие познания и, конечно же, знает всё касаясь этой заразы.

Раньше Жун Ху молча наблюдал со стороны, однако сейчас в неожиданно решающий момент дал волю языку, начав лгать спокойно и невозмутимо, действительно — достоин называться старшим братом Ле-эра.

Услышав только что сказанное, толпа немного успокоилась. Действительно, хоть убей, а они всё равно не поверили бы, что ничтожный князь Мин обладает такой огромной

разрушительной силой. Если он такой потрясающий, разве он не должен обладать нечеловеческой силой, чтобы насылать на людей болезнь, как небесные духи?

— Когда рядовые солдаты заболели, какие у них были симптомы? — спросил князь.

Военные Дунфань в течение последних семи дней были напуганы, подвергшись такой ужасающей заразе, что свалилась как снег на голову, словно столкнулись с нечистой силой. Сейчас услышав о способе, который помог бы избавиться от заразы, пятый помощник полководца с бесконечной надеждой, конечно же, был готов сотрудничать и искренне ответил:

— Поначалу лишь два-три человека слегли от болезни, потом ещё один, а позже уже повсюду были больные солдаты, более того, слегли даже те, кто вступал с больными в контакт. У них жар, болит голова, спина, бесконечные стоны, вскоре по всему телу выступила ужасная сыпь, достаточно много людей, заразившись, умерли через день. — Вспомнив сваленные в кучу гниющие трупы, залитый кровью пятый помощник полководца не смог сдержать испуга.

Оспа... Это гнетущее слово пронзило сердце князя. Он наконец-то понял, из-за чего Жун Тянь скрывал свой план, поскольку Фэн Мин действительно мог, несмотря ни на что, воспротивиться этому плану.

Одна большая вспышка оспы может отнять немало невинных жизней Дунфань.

Не удивительно, что Жун Тянь сказал, что этот план не запачкает кровью клинки, а если бы не подозрения Лу Даня и не его план, то, возможно, Жун Тяню действительно удалось бы выиграть сражение бескровно.

В истории, что знал Фэн Мин, был случай, когда с помощью армии колонистов неприятель заразил защищающую город армию и тем самым уничтожил защищённый город без войны.

Фэн Мин колебался в душе и, немного поразмыслив, спросил:

— Эта вспышка заразы началась с тех пленных из Бэйци?

— Верно, — кивнул пятый помощник полководца и со злобой добавил: — Отвратительная страна Бэйци, неизвестно откуда они взяли такую страшную заразу и навлекли беду на мой Дунфань. После того как Се Гуан пленил всех этих людей и отправил каждому войску для допроса, зараза начала расползаться, каждый день заболевает множество солдат.

Откуда ему знать о запутанности всего дела?

Бэйци действительно хотело вторгнуться на территорию Дунфань и действительно тайком разместило засаду, намереваясь атаковать Пинси. Се Гуан дважды атаковал солдат Бэйци, первый раз неприятеля уведомили, отчего зловерный Се Гуан потерпел поражение и

вернулся с пустыми руками, и в засаде на самом деле были войска Бэйци; однако во второй раз Се Гуан крайне удачно атаковал солдат Бэйци, которые также были в засаде, и пленил их, но на самом деле это Жун Тянь тайком расположил лже-армию Бэйци.

В правде таится ложь, как и во лжи — правда. Жун Тянь, можно сказать, делал всё, что в силах, чтобы навешать собак на Бэйци. Не используй он истинную разведку Бэйци, легко ли бы перехитрил господ генералов Дунфань?

В плане Жун Тяня очень сложным препятствием было перевести вирус натуральной оспы из Силэй в Дунфань. В век технологической отсталости, на живом организме — самый лучший способ. Конечно же, он не мог пожертвовать своими лучшими людьми, поэтому с помощью пойманных людей Бэйци ввёл в живой организм искусственно созданный вирус натуральной оспы, к тому же передел их в форму солдат Бэйци, приготовив засаду, и специально позволил войску Дунфань поймать их и привести заражённых в громадную военную систему.

Фэн Мин, когда приводил примеры чёрной оспы, специально сделал акцент на том, что подобного делать не следует.

Спустя долгое молчание князь вздохнул и продолжил, спросив:

— Уровень смертности... среди сотни заболевших сколько умерших?

— Приблизительно пятьдесят человек.

Князь побледнел, огорчаясь в душе.

Пятьдесят человек, уровень смертности почти пятьдесят процентов.

Чёрная оспа в современном мире давно исчезла, а сам юноша никак не ожидал, что подобный разрушительный кошмар может возникнуть перед ним.

Вообще говоря, уровень смертности от заражения натуральной оспой должен быть примерно процентов тридцать. Однако Дунфань крайне далеко от Силэй и в нём никогда не вспыхивал вирус натуральной оспы, потому иммунитет народа Дунфань к подобной заразе, в сравнении с силэйцами, которые уже некогда болели ею, был значительно слабее, и смертность также была крайне высокой.

К тому же вирус натуральной оспы здесь, похоже, распространялся крайне быстро и с такой же быстротой отнимал жизни, поэтому, исходя из той информации, коей обладал Фэн Мин, у оспы инкубационный период вместе с периодом смертности должен был длиться в течении двух недель, а при нынешней обстановке эта зараза в течение семи дней уже унесла огромное количество солдат Дунфань.

Заметив, что князь так и не проронил ни слова, пятый помощник полководца, не выдержав, спросил:

— Князь Мин действительно знает способ, который поможет справиться с подобной заразой? — Этот вопрос словно был криком души всех присутствующих, которые, затаив дыхание, ожидали ответа Фэн Мина.

Две стороны пережили только что роковое кровопролитное сражение, однако не могли противиться дальнейшей судьбе, и никто не проявлял агрессии. Подавляющее большинство жён и детей императорской стражи сейчас находилось в столице, и в данный момент, когда эпидемия оспы стала потихоньку распространяться среди простого населения, кто не ощущал угрозу для себя?

После долгого раздумья Фэн Мин кивнул:

— Сядьте, и я расскажу вам всё, что знаю. — Встав перед лестницей, князь положил рядом парный меч Ушуан и сел, скрестив ноги.

Сделав одно движение, князь заставил всех зашевелиться так, будто у него по-прежнему в руках был окровавленный клинок.

Жун Ху, понизив тон, сказал:

— Если хотите услышать слова князя Мина, тогда сначала опустите оружие.

Ле-эр первым вернул кинжал за пояс и сел рядом с Фэн Мином. Смертельно уставшие от недавнего сражения люди Жун Тяня один за другим убрали оружие, чтобы восстановить силы.

Военные чувствовали своё численное преимущество и, также не боясь, что вновь завяжется бой, убрали оружие, при этом только сейчас замечая слабость во всём теле из-за множества потраченных в бою сил, после чего, решительно следуя примеру князя, и люди Цзюнь Цина сели, скрестив ноги. Даже если вновь завяжется бой, по крайней мере они немного наберутся сил.

Лу Дань тоже не хотел повторного сражения, ведь если по чистой случайности в бою убьют Фэн Мина, господин советник, конечно же, не выдержит совсем. Он махнул рукой, и стоящие позади облачённые в белые доспехи люди последовали за рядовыми солдатами, сев на том же месте, где стояли.

Поле битвы, где витал запах крови и дыма, внезапно превратилось в огромный класс, в котором послушно сидели более тысячи учеников, слушая учителя. Фэн Мин, если бы не чувствовал всего напряжения, конечно, из-за такого неожиданного развития не удержался бы и расхохотался.

Жун Тянь, подойдя к своему фениксу, ненадолго застыл в нерешительности, ведь, будучи молодым и преисполненным небывалым энтузиазмом мужчиной, император Силэй, который неизвестно сколько совершил дел, потрясающих небо и всколыхнувших землю [14], попутно заставляя бесчисленное количество жизней исчезнуть без следа, на этот раз в тайне от Фэн Мина использовал этот пагубный план с чёрной оспой и сейчас не мог смотреть в лицо князю и, стоя рядом, не знал, следует ли ему сесть или нет.

Понимая мысли молодого мужчины, Фэн Мин крепко схватил его за подол военной формы и потянул, шёпотом говоря:

— Садись со мной рядом.

Одна фраза долетела до ушей — и Жун Тяня тотчас охватило чувство удивления и радости, глаза внезапно прояснились, даже засверкали, и, отпустив тайные душевные заботы, молодой мужчина опустился рядом с князем, вытянул руку и, придерживая сзади поясницу Фэн Мина, мягко проговорил:

— Спина болит? Обопрись на мою руку, будет немного удобней.

Общая численность врагов, между которыми чувствовались напряжённые отношения, составляла две трети.

Даже на поле ужасающего сражения этот император Силэй, славящийся во всех одиннадцати государствах своими талантом и отвагой, неожиданно начал угождать возлюбленному. Ле-эр и Жун Ху, как и все остальные, уже давно привыкли к поведению этой парочки и, совершенно не краснея за поступки своего государя, относились к этому вполне естественно.

Князь как раз сейчас почувствовал расположившуюся на пояснице руку. Спустя долгое время вновь встретившись с Жун Тянем, небольшая разлука с которым равнялась вечности, Фэн Мин после кровопролитной битвы как будто возродился вновь и, с трудом сдерживая себя и не обращая внимания на пристальные взгляды дунфаньцев, смело упал в объятия Жун Тяня, начав пояснять:

— Охватившая Пинси болезнь, если я не ошибаюсь, должно быть, чёрная оспа, её ещё называют оспенная сыпь. — Подумав над словами Жун Тяня «не проливая крови, победить с помощью "сыпи"», князь понял: это означало оспенную сыпь, однако, прочитав зашифрованное с помощью азбуки Морзе послание, разве мог Фэн Мин догадаться о подобном?!

— Чёрная оспа? Оспенная сыпь? Действительно, во время заболевания тело покрывается ужасной сыпью, похожей на горошины. — Толпа взволновалась, народ, переживший сполна невзгоды эпидемии, теперь знал, как эта зараза называется, и ещё больше сосредоточился на словах князя.

Фэн Мин, немного поколебавшись, продолжил рассказывать всё, что знал об этой ужасной

заразе:

— Оспа — опасная заразная болезнь, крайне смертельная для человека. У заражённого оспой человека в течение двух-трёх дней с начала заболевания может появиться сыпь, сопровождается всё сильным жаром, симптомами утомления, головной болью и болями в спине. На ранних стадиях во рту и горле появляются язвы, в слюне содержится большая часть вируса, также на лице, руках и ногах может возникнуть густая сыпь. Оспа очень смертельна, даже если удастся избежать смерти, на лице и теле больного останутся страшные шрамы. Увы, возможно, из-за того, что Дунфань никогда не сталкивалась с подобным вирусом, вспышка оспы особо свирепствует, уровень смертности выше, чем обычно. Это действительно бедствие, которое нуждается в небесной помощи.

Люди Дунфань непрерывно закивали, а множество людей, закрыв глаза, вместе начали бормотать:

— Небеса, умоляем, сжальтесь над нашим Дунфань...

Пятый помощник полководца хмуро проговорил:

— Неизвестно, когда утихнет эта вспышка оспы. В лагере каждый день выявляются больные солдаты, и уже немало рядовых солдат, чтобы спастись от заразы, предали и сбежали из лагеря.

— Вирус чёрной оспы в окружающей среде крайне устойчив и его трудно уничтожить, и многого не требуется, чтобы заразить кого-то, потому говорят, что это опасная заразная болезнь. — Фэн Мин, нахмутив брови, вспомнил прочитанные в те годы материалы, так как раньше одна ученица, когда заканчивала учёбу, выбрала тему, касающуюся оспы, и попросила его помочь найти материалы. Кто бы мог подумать, что сейчас эти знания ему пригодятся. — Выпущенное зёрнышко чёрной оспы может распространиться в крайне широкой степени, другими словами, может распространиться на многих людей. Если своевременно не принять изолирующих мер, то вирус охватит не только весь лагерь Дунфань, но и всю столицу, а если начнёт распоздаться по городам, то, вполне возможно, может стереть с лица земли и всё государство Дунфань.

Это, конечно, было нагнетание атмосферы.

Толпа начала волноваться. Глядя на мощь эпидемии, генералы нахмурились, а охрана с испугом обменялась взглядами.

Лу Дань однозначно спросил:

— Князь Мин определённо знает какой-нибудь способ, который сможет остановить заразу?

— Конечно, — немедля ответил Ле-эр.

Если князь скажет, что не знает, то разве военные тотчас же не изрубят его в котлету?

— Давным-давно немало выдающихся докторов изучали лечение оспы. Они разрабатывали метод живой вакцины... А-а, говорить всё это бесполезно, так или иначе после многих неустанных усилий наконец чьи-то исследования увенчались успехом, и был найден способ оспенной профилактики. Этот способ называется коровьей оспой [15].

Пятый помощник полководца спешно спросил:

— В конце концов, как действует эта коровья оспа?

Внезапно другой голос, вмешавшись в разговор, холодно прозвучал:

— Пятый помощник полководца верит в чушь, которую несёт этот человек, всё ещё недостаточно, что из-за него на наш Дунфань обрушилось это несчастье?

Фэн Мин в испуге повернулся: оглушённая Жун Ху Цзюнь Тин неизвестно когда пришла в себя, и сейчас её руки были крепко связаны, а сама девушка находилась под охраной людей Жун Тяня, чёрные как смоль глаза пристально смотрели на князя, выражая глубокую злобу.

Услышав её напоминание, военные внезапно насторожились.

— Тринадцатый помощник полководца прав. — Пятый помощник полководца кивнул, говоря: — Если князь Мин не продемонстрирует, как мы поверим его словам?

В глазах Жун Тяня сверкнула злость, и могучей энергией величия он на расстоянии подавил пятого помощника полководца.

Пятый помощник полководца, опираясь на приближённых солдат, холодно фыркнул, а от встречи его взгляда со взглядом Жун Тяня в воздухе посыпались искры.

Многочисленная охрана помимо своей воли медленно потянулась к бедрам, где висели мечи.

Атмосфера начала сгущаться.

Фэн Мин сказал со смехом:

— Это всё же нелегко, принесите одного больного, и я осмелюсь прикоснуться к нему без страха заразиться.

На лицах дунфаньцев появилось удивление: неожиданно князь Мин оказался таким смелым и решительным, лично пожелав всё испытать. Откуда им было знать, что князь уже был привит коровьей оспой и у него иммунитет к чёрной оспе.

Сидящий в стороне Жун Тянь вмешался:

— Не только князь Мин не боится оспы, наши приближённые люди, находящиеся здесь, некогда прошли обучение князя Мина и знают, как противиться этой заразе, и также не боятся заразиться. Если не верите, то позвольте принести сюда больного.

В те дни, когда Фэн Мин узнал, что такой чудовищный вирус, как чёрная оспа, охватила Силэй, первым делом вспомнил и поделился всем, что знал о чёрной оспе, более того, сделал противооспенную прививку.

Этот высоко эффективный противоэпидемический метод незаметно распространился по дворцу и всей армии Силэй, не только наделяя иммунитетом Фэн Мина, Жун Тяня, матушку-императрицу и остальных слуг, но и пятьдесят тысяч солдат, что отправились с Жун Тянем в Дунфань.

В глазах пятого помощника полководца появилось неприкрытое потрясение, более тысячи человек совершенно не боялись заразиться, убеждая, что метод князя Мина действительно эффективен. Тогда в лагере у этих рядовых солдат разве не было шансов? Внезапно поднявшись, мужчина приказал:

— Эй, кто-нибудь, быстро приведите несколько больных рядовых солдат.

— Подождите! — Лу Дань, нахмурившись и немного поразмышляв, продолжил: — Эта зараза распространится повсюду, нельзя допускать, чтобы больные входили в императорский дворец.

Все, боясь распространения оспы, наперебой закивали. Жун Тянь и другие в душе рассмеялись, ведь как только они покинут императорский дворец, их шанс выжить возрастет на десять процентов, тем более за пределами дворца ещё не появилось и тени четырёхтысячного войска.

Лу Дань, естественно, никак не догадывался об этом, вот только в его глазах жизнь императора Дунфань являлась самым важным, и главной целью было сохранить жизнь князя. Эти интересы совпадали с желанием как Жун Тяня, так и остальных.

— Не смейте. — Цзюнь Тин холодно добавила: — Не увидев собственными глазами доказательства, мы не можем вновь поверить в слова этого человека. — Холодно поглядев на князя, девушка скрежеща зубами процедила: — Скрываясь в Дунфань, этот человек обманом получил разрешение государя участвовать в военных делах, не убив его, наши войска проявят небывалую слабость и потеряют своё достоинство. Если только ему и впрямь удастся сохранить наши войска, иначе даже не думай выбраться отсюда живым.

В душе Фэн Мин завопил от обиды: «Ведь это не я убил Линь Иня, так почему вымещаешь всю злобу и ненависть на меня?» Вот только если тщательно подумать, то Линь Инь сам виноват в своей смерти, всё было бы иначе, не рискни он тотчас же предупредить войска после того, как матушка-императрица указала, что к югу от городской стены засада Бэйци, и тогда он бы не выдал себя как шпион Бэйци.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «на волоске [висит] тяжесть в тысячу цзюнь», обр.: критический момент, опасное положение.

[2] Возможно, Фэн Мин делает отсылку к фразе «когда бьёшь, не трогай лицо». Полная фраза звучит как «когда бьёшь, не трогай лицо, когда ругаешь, не указывай на недостатки», в знач. «[при конфликте] не бей по самолюбию и не бей по больному», «не унижай».

[3] Обр. в знач.: совершенно выбиться из сил; быть совершенно изнуренным.

[4] Обр. в знач.: располагать равными силами, возможностями; быть равными по силе.

[5] В оригинале фраза звучит как «сверкать яркими огнями и белыми цветами», обр. в знач.: бурный, кипучий.

[6] В оригинале фраза звучит как «сердце и желчный пузырь лопнули», обр. в знач.: быть скованным ужасом; насмерть перепугаться.

[7] Обр. в знач.: повсюду, везде.

[8] Воен.: мёртвое (непростреливаемое) пространство, мёртвый сектор, слепая зона.

[9] В оригинале фраза звучит как «мышцы утомились и силы иссякли», обр. в знач.: совершенно выбиться из сил; быть совершенно изнуренным.

[10] Китайская сажень, равна 3,33 метра.

[11] Обр.: связать себя по рукам и ногам; запутаться в собственных сетях, напроситься на неприятности.

[12] Обр.: умереть жалкой смертью, плохо кончить.

[13] Также 疔 означает «эпидемия» и «чума».

[14] Обр. в знач.: потрясающий, поразительный; оглушительный.

[15] Коровья оспа — инфекционное заболевание вирусной природы. Оспа у коров представляет собой доброкачественное заболевание, выявляемое исключительно на вымени.

<http://bllate.org/book/13377/1190162>